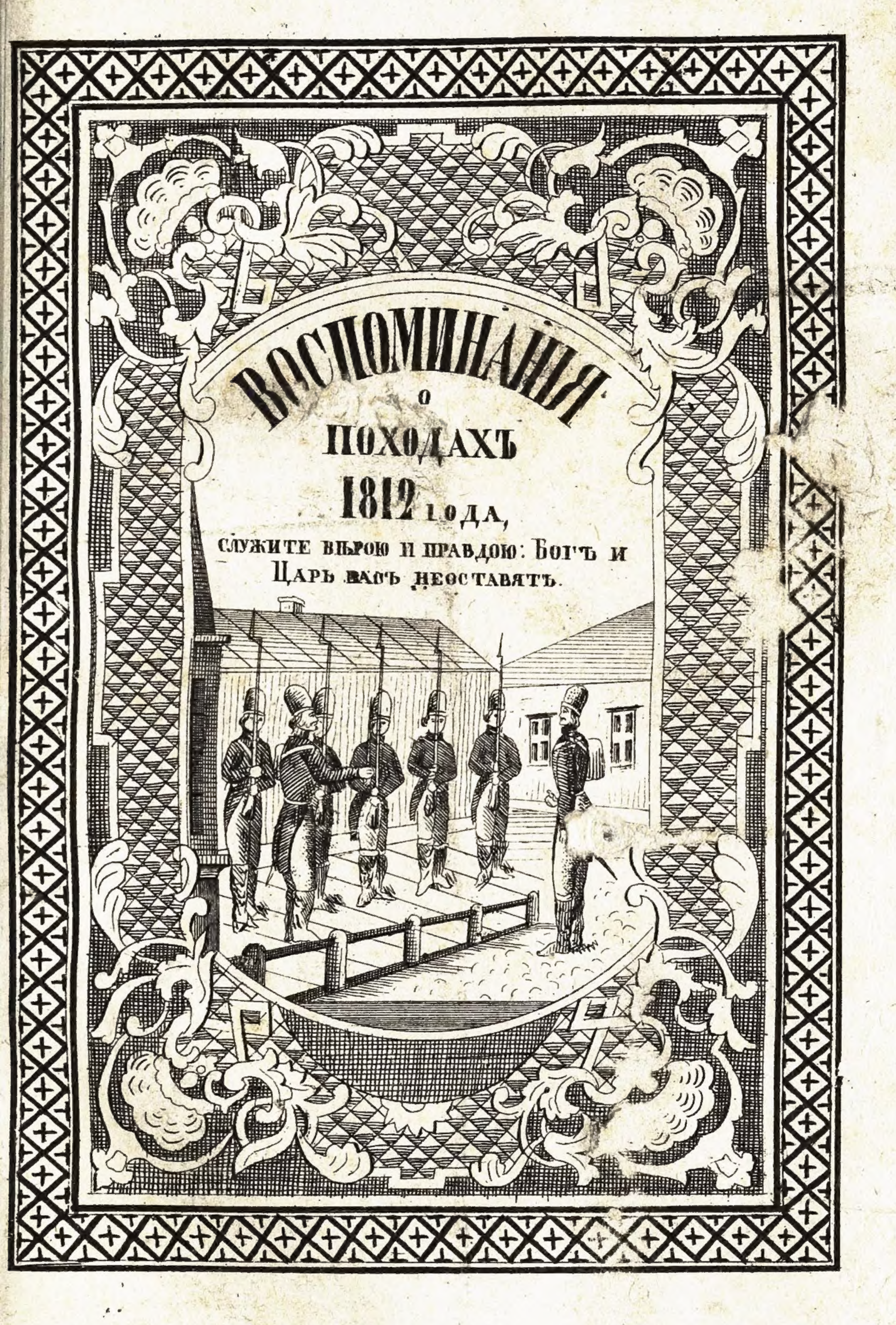

ВОСПОМИНАНІЯ
о
ПОХОДАХЪ
1812 года,
Служите вѣрою и правдою: Богъ и
Царь васъ неоставятъ.

Служите, дѣти вѣрою и правдою Богъ и Царь васъ не оставитъ.

ВОСПОМИНАНІЯ

о

ПОХОДАХЪ

1812 года,

СОСТАВЛЕННЫЯ

ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ ОФИЦЕРА

Александромъ Зайцевымъ.

МОСКВА.
Въ Типографіи Н. Эрнста.
1853.

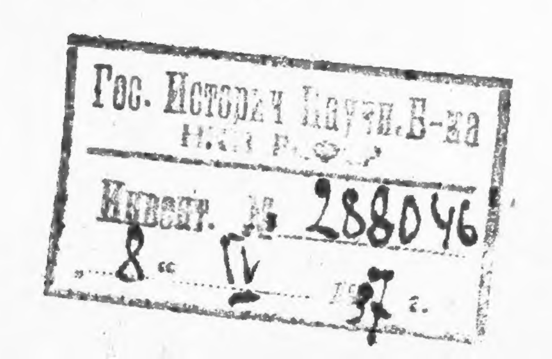
ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Генваря 23 дня, 1853 года.

Цензоръ Д. Ржевскій.

Изданіе П. Г. Кузнецовой.

Печатано съ изданія 1852 года безъ перемѣны.

КЪ БЛАГОСКЛОННЫМЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Издавая въ свѣтъ эту книгу, я имѣлъ цѣлью доставить моимъ читателямъ, сколько возможно, удовольствіе вспоминать достославную эпоху отечественной войны, когда орлы Сѣвера, повсюду поражая врага, несли съ собою Государствамъ миръ и благоденствіе. Въ воспоминаніяхъ моихъ, быть можетъ, есть анахронизмы, есть невѣрности; но я писалъ не Исторію, а очевидныя приключенія; ихъ я не записывалъ, а какъ помню, такъ и разсказываю, не стараясь гоняться за краснорѣчіемъ. Русскій солдатъ не знаетъ условій ученаго міра, а по пословицѣ — рѣжетъ напрямую!... И такъ, бл. читатели, вы, въ моихъ воспоминаніяхъ, кромѣ очевидной правды, разсказанной солдатскимъ языкомъ, не сыщете ни одного словечка неправды, а слѣдовательно и модныхъ кудреватыхъ фразъ, которыхъ ветераны боятся такъ точно, какъ во время оно боялись Турки Русскаго батальнаго огня. Читайте и судите, да только за память старика не бранить, отъ всякаго нападенія журнальныхъ отрядовъ своею благосклонностію усерднѣйше просимъ защитить.

ГЛАВА I.

Отеческій домъ. — Вступленіе въ службу. — Объявленіе войны 1812 года.

Родился я въ Москвѣ и помню одну только мать, бѣдную вдову, да еще брата, который былъ старше меня двумя годами. Мать, по бѣдности своей, не могла намъ дать больше образованія, какъ только выучить читать и писать, да внушить страхъ Божій и обязанности честнаго человѣка. Этого, говорила она намъ, довольно для насъ. Когда мнѣ минуло 11, а брату 13 лѣтъ, мать начинала думать, куда бы насъ опредѣлить, и вотъ, однажды, въ воскресный день, пошла она съ нами въ Кремль къ обѣдни, и на ту пору, тамъ, на Царской площади, происходилъ разводъ. Услышавъ звуки военной музыки, мы отпросились у матери посмо-

трѣть; пробившись сквозь толпу народа, мы увидѣли марширующіе войска, впереди которыхъ несъ знамя подпрапорщикъ, лѣтами почти ровесникъ намъ, и старшій братъ сказалъ мнѣ: братъ! пойдемъ и мы служить, авось и мы будемъ носить знамя. И тутъ же условились съ братомъ упрашивать мать, опредѣлить насъ въ военную службу. Намъ не много было труда уговорить мать; она заплакала и благословила насъ, сказавъ: служите вѣрою и правдою: Богъ и Царь васъ не оставятъ.

На другой же день мы подали прошеніе и стали собираться; но сборы наши были не продолжительны: вскорѣ пришло извѣстіе, что насъ приняли подпрапорщиками въ Муромскій пѣхотный полкъ, квартировавшій тогда въ Минской губерніи, въ мѣстечкѣ Ивѣнецъ. Крѣпко прижала насъ къ груди своей наша добрая мать, благословила,

и поцѣловавъ въ послѣдній разъ, отдала намъ 5 руб.—все, что только она имѣла въ наличности. Напутствованные благословеніями и наставленіями матери, сѣли мы въ телѣгу, лошади тронулись и вмѣстѣ съ нашимъ послѣднимъ «прости» зазвенѣлъ колокольчикъ. Путешествіе наше не сопровождалось никакими приключеніями; мы, разумѣется, ѣхали, какъ говорится, повѣся носъ, думая о матери и объ ожидающей насъ службѣ. Пріѣхавъ въ Ивѣнецъ, мы явились къ Полковнику, который посмотрѣвъ на насъ, улыбнулся и примолвилъ: ну, храбрецы, станемъ служить Царю, вмѣстѣ. Станемъ, В. В. бл.! отвѣчали мы въ одинъ голосъ. Полковнику понравился отвѣтъ нашъ; онъ приказалъ сдать насъ опытному унтеръ-офицеру и мы переселились жить въ казармы. Солдаты насъ полюбили: каждый изъ нихъ охотно пока-

зывалъ намъ то, чего мы не знали. Наконецъ намъ дали и по ружью—то-то было у насъ радостей! Скоро мы привыкли къ службѣ и почитали дни тѣ самыми счастливѣйшими, когда насъ брали въ разводъ или на смотры. Изъ всѣхъ моихъ товарищей, я былъ ростомъ меньше всѣхъ, а потому меня и прозвали кротомъ; хотя это названіе и щекотало мое самолюбіе, однако я ни сколько не сердился, и хотя обѣими руками поднималъ ружье, но ничѣмъ не отставалъ отъ товарищей. Вдругъ пронеслась вѣсть, что Наполеонъ идетъ на Россію и въ полку начали поговаривать о походѣ. Однажды, какъ теперь смотрю, мы были на ученьи; пріѣхавшій казакъ подалъ нашему Полковнику пакетъ, который, прочитавъ его, подозвалъ къ себѣ офицеровъ и что-то началъ имъ разсказывать; потомъ мы увидѣли, что всѣ офицеры

перекрестились и крикнули ура! Тогда что-то радостное заговорило въ сердцахъ нашихъ; солдаты взглянули другъ на друга и подошедшіе офицеры объявили, что Французы идутъ на Россію и, что полкъ получилъ повелѣніе идти въ Вильну. Безпрерывное ура загремѣло по рядамъ; насъ распустили, и на другой день съ распущеннымъ знаменемъ, съ громомъ музыки и барабановъ выступили мы въ Вильну. На походѣ насъ произвели въ прапорщики и намъ нѣкогда было спрыскивать эполеты. Приближаясь къ Вильнѣ, мы услышали пушечные выстрѣлы, и мнѣ надлежало проститься съ братомъ: я, по производствѣ въ офицеры, прикомандированъ былъ въ Кексгольмскій пѣхотный полкъ; сказавъ послѣднее прости брату, я отправился къ назначенному мѣсту. Новые товарищи приняли меня радушно и въ тотъ же день мы

опять выступили въ походъ. Офицеры и солдаты горѣли нетерпѣніемъ сразиться съ непріятелемъ; но до самаго Смоленска мы не видали ни одного Француза и не слыхали даже ружейнаго выстрѣла. Поздно ввечеру подошли мы къ Смоленску и поражены были величественнымъ зрѣлищемъ: вокругъ города пылали костры, отражаясь на черномъ небѣ кровавымъ заревомъ; говоръ людей, сливаясь въ какой-то невнятный гулъ, разносился по полянѣ: то была Русская армія, расположившаяся на ночлегъ. Наконецъ и мы примкнули къ ней и вскорѣ и у насъ закипѣли артельные котлы; утомившись длиннымъ переходомъ, я, завернувшись въ шинель, легъ на землю и заснулъ крѣпкимъ сномъ. Наразсвѣтѣ грянула зоревая пушка и все пришло въ движеніе: солдаты становились на мѣста, деньщики убирали офицер-

скія вещи и лагерь снялся съ мѣста. Не хочу скучать разсказомъ отступленія Русской арміи къ Москвѣ: мы шли какъ бы призадумавшись: не слышно было ни пѣсенъ, ни веселыхъ разговоровъ. Да, скучное было время! бывало подойдешь къ записному весельчаку и тотъ не промолвитъ ни словечка. Скоро ли дождемся праздника? говорили старики солдаты, печально поглядывая другъ на друга; но не замедлилъ для насъ этотъ праздникъ — мы увидѣли и Бородино, увидѣли и непріятеля. О, какъ закипѣли тогда сердца у всѣхъ; всѣ какъ будто помолодѣли, сдѣлались веселыми; намъ отдали приказъ приготовляться къ битвѣ. Наконецъ наступило 26-е Августа, и громъ пушекъ привѣтствовалъ страшный, торжественный день Бородина. Черныя тучи непріятельской кавалеріи двинулись на наши редуты, съ обѣихъ сто-

ронъ посыпались ядра и закипѣла кровавая битва. Полкъ нашъ находился на лѣвомъ флангѣ и усердно работалъ штыками; къ полдню солнце пробилось сквозь тучи дыма и освѣтило страшное поле смерти: оно все было покрыто дерущимися войсками; громъ пушекъ неумолкалъ ни на минуту. Я, мучимый жестокою жаждою, нашелъ болото, загроможденное тѣлами убитыхъ. Дѣлать нечего, прилегъ я къ нему, зажмурился и напился. Когда начало смеркаться и пушечная пальба умолкла, барабаны ударили отбой и битва съ обѣихъ сторонъ прекратилась. Мнѣ была очередь на аванпосты; отдавали нужныя приказанія; я разсматривалъ страшную картину, покрытую мракомъ ночи; стоны раненыхъ наполняли воздухъ; по полю, устланному трупами, кое-гдѣ скитались лошади и жалобнымъ ржаніемъ какъ бы будили отъ смертнаго сна

своихъ сѣдоковъ. На разсвѣтѣ сказали мнѣ, что нашей арміи не видно; не получивъ приказанія оставить свой постъ, я собралъ команду и рѣшился защищаться; но непріятель густыми колоннами двигался къ мѣсту, занимаемому нынѣ монастыремъ. Замѣтивъ, что меня могутъ отрѣзать, я въ виду французскихъ войскъ повелъ свою команду по дорогѣ, ведущей къ Можайску. Французы не сдѣлали по насъ ни одного выстрѣла; такимъ образомъ достигли мы своего лагеря, гдѣ насъ почитали уже погибшими и встрѣтили съ большою радостію. Узнавши, что Французы идутъ на Москву, мнѣ сдѣлалось грустно: тамъ оставалась бѣдная наша мать. — Я выпросилъ позволеніе повидаться съ нею и, потому, купивъ за четвертакъ у казака французскаго иноходца, я вспрыгнулъ на него, и давъ шпоры, поскакалъ къ Москвѣ.

ГЛАВА II.

Москва.—Извѣстіе о смерти брата.—Сраженія: при Виньковѣ,—при маломъ Ярославцѣ,—при Вязьмѣ. Походъ за границу.

Въѣхавъ въ Москву, буцефалъ мой, который былъ голоднѣе французскаго мародера, чуть-чуть передвигалъ ноги; насилу дотащился я до Покровскихъ воротъ и отыскалъ домъ своего знакомаго. Входя во дворъ, я увидѣлъ хозяина, который, обрадовавшись мнѣ, повелъ меня въ комнаты, угостилъ чѣмъ попало и разсказалъ мнѣ, что мать наша дня за два уѣхала въ Тульскую губернію. Жалко мнѣ стало мать: у меня полились слезы. Когда ты плачешь, сказалъ мнѣ мой знакомый, такъ плачь уже за одно: и братъ твой сложилъ голову при Бородинѣ. Какъ громомъ по-

разило меня это извѣстіе — я почти безъ памяти сѣлъ на стулъ. Добрый N. N. старался меня утѣшить. Я остался у него до 2-го Сентября; въ этотъ день вдругъ на улицѣ раздался крикъ: Французы! Французы! Я выбѣжалъ на дворъ, вскочилъ на своего коня и только-что выѣхалъ за ворота, какъ услышалъ пушечные выстрѣлы; пришпоривъ лошадь, я поскакалъ къ Калужской заставѣ; на улицахъ вездѣ было страшное смятеніе: ѣхали кареты, телѣги, коляски, на которыхъ было накладено или имѣніе или сидѣли люди; кто тащитъ на себѣ сундукъ, кто узелъ; шли женщины съ грудными младенцами, и всѣ спѣшили за заставу. Борзый мой конь, не смотря на безпрестанныя шпоры и удары нагайки, рѣшительно отказывался служить. Кое-какъ выбрался я за заставу, и мой четвероногій выходецъ изъ Франціи грянулся о земь;

съ величайшимъ трудомъ заставилъ я его встать на ноги, сѣлъ и началъ работать нагайкою; но все было безполезно: животное не трогалось съ мѣста. Хоть не хотѣлось, однако я слезъ, и разсѣдлавъ чуть живаго коня, отпустилъ его на всѣ четыре стороны. Долго я несъ на себѣ сѣдло, въ надеждѣ найти какую нибудь клячу, но выбился изъ силъ и бросилъ его; освободившись отъ бремя, я добѣжалъ до нашего лагеря у Панькова, и только что успѣлъ отдохнуть, какъ ударили подъёмъ и мы выступили въ походъ. 22-го Сентября мы имѣли авангардное дѣло при Виньковѣ, въ которомъ отправили всѣ атаки непріятелей и преслѣдуя его, брали штыками одну деревню, такъ что побѣда осталась рѣшительно за нами. 11-го Октября (шесть дней послѣ сраженія при Тарутинѣ) мы двинулись къ Мало-Ярославцу, куда прибывъ вве-

черу, мы увидѣли битву въ полномъ разгарѣ. Ставши на позицію, мы только-что успѣли пустить свинцовый дождь, какъ раздалось ура! и городъ былъ нашъ; тогда во всѣхъ полкахъ загремѣла музыка и мы поздравили другъ друга съ побѣдою. Нѣсколько дней послѣ сраженія отрядъ нашъ выступилъ къ Вязьмѣ, куда прибылъ 22-го Октября въ самый полдень; непріятель встрѣтилъ насъ картечью; но полкъ нашъ, презирая опасность, шелъ впередъ; сойдясь съ непріятелемъ, мы ударили въ штыки и стѣснили его. Солдатамъ нашимъ некогда было колоть штыками Французовъ: мы прикладами прокладывали себѣ путь и вошли въ городъ, который пылалъ со всѣхъ сторонъ. Здѣсь, за отличіе, полкъ нашъ оставленъ былъ отдохнуть. Тотчасъ городская площадь превратилась въ бивуакъ. Разложили костры, сварили

ужинъ, а на другой день, наразсвѣтѣ, опять выступили въ походъ догонять наши войска; подходя къ Смоленску, мы опять услышали выстрѣлы, но намъ не досталось доли участвовать въ сраженіи, и мы, проселочною дорогою, миновавъ Смоленскъ, стали на позицію. Съ сего времени начались жестокіе морозы, отъ которыхъ не только Французы, но и мы поплясывали русскаго трепачка. Не было ничего забавнѣе, какъ стоять въ то время на аванпостахъ, мимо которыхъ, какъ угорѣлые, бродили Французы, наряженные въ дамскіе салопы, въ рогожи, въ священническія ризы. Они подходили къ нашимъ солдатамъ, бросали ружья и добровольно отдавались намъ. Были изъ нихъ и такіе, которые, завернувшись въ салопъ, прицѣливались по нашимъ часовымъ, и если изъ нашихъ кто нибудь хотѣлъ приложиться по такой да-

мѣ, то ему тотчасъ солдаты кричали: не стрѣляй въ барыню!... Русскій солдатъ великодушенъ: онъ, видя несчастіе собрата, хотя чуждаго ему, раздѣляетъ съ нимъ свое послѣднее. Это узнали Французы и толпами переходили къ намъ. Выпалъ снѣгъ и наступила зима; мы выступили въ Ковно; по дорогѣ вездѣ попадались намъ Французы, обезображенные морозомъ, которые отъ голода потерявъ разсудокъ, скитались по снѣжнымъ полямъ, куда глаза глядятъ. Не возможно было безъ ужаса видѣть бѣдствія человѣчества, гигантомъ вовлеченнаго въ борьбу даже съ самою природою. Часто случалось видѣть, что у лошадинаго трупа лежитъ солдатъ французской арміи и теребитъ зубами вонючее мясо, или попадется босой, съ отмороженными пальцами — слѣдъ его застилаетъ кровавая струя. — Достигши до Ковно, я сдѣлался боленъ

горячкою и безъ памяти привезенъ былъ въ госпиталь; очнувшись, я увидѣлъ себя лежащимъ на постелѣ; напротивъ меня лежалъ, какъ узналъ я послѣ, какой-то французскій маіоръ. Къ намъ двоимъ, каждый день, являлся докторъ и прописывалъ намъ рецепты. Однажды принесли мнѣ бутылку краснаго вина, которое употреблять предписалъ мнѣ докторъ. Смотрю, Французъ, увидѣвъ бутылку, привсталъ съ постели и подбѣжалъ ко мнѣ. Я схватилъ бутылку и не имѣя силы отнять ее отъ Француза, закричалъ: караулъ! На крикъ мой сбѣжались фельдшера и розняли насъ. Эта сцена долго забавляла раненыхъ офицеровъ, лежавшихъ въ томъ госпиталѣ. По выздоровленіи моемъ собрана была команда, съ которою я и отправился за границу, въ Пруссію, гдѣ и явился въ полкъ, съ которымъ выступилъ въ Саксонію. Мы

шли не встрѣчая нигдѣ непріятеля, дѣлали дневки и жили съ добродушными Нѣмцами, какъ съ своими братьями. Наконецъ достигли мы Дрездена, подъ которымъ простояли почти полтора мѣсяца, готовясь каждую минуту въ битву; но 3-го Октября подоспѣла къ намъ Русская милиція. Оставивъ ее здѣсь, мы выступили къ Лейпцигу. Здѣсь завязалось кроволитное сраженіе. Мы, подъ самымъ городомъ, подошли къ кладбищу и ядрами разбили каменную стѣну; сдѣлавши проломъ, мы увидѣли, что улицы города загромождены были нашею кавалеріею. — Пасторъ кладбища, человѣкъ лѣтъ 60, приказалъ угостить насъ пивомъ, а потому прислуга его и носила къ солдатамъ пиво ушатами. Въ то время на мнѣ была солдатскаго сукна шинель, сшитая на офицерскій манеръ. Подпоясанный шарфомъ, съ пазухою, полною

зарядовъ, и съ карабиномъ въ рукахъ, подошелъ я къ двумъ хорошенькимъ Нѣмочкамъ и попросилъ у нихъ пить. Онѣ, увидѣвъ меня въ такомъ воинственномъ нарядѣ, засмѣялись: Dasistein Officier! сказала одна, указывая на меня. Nein! отвѣчала другая, пристально посматривая на мою шинель. Офицеръ! сказалъ я имъ громко, и дѣвушки подали мнѣ кружку пива; въ ту же минуту скомандовали намъ впередъ, и я оставилъ красавицъ. Войдя въ городъ, мы въ колоннахъ остановились на улицахъ. Смотримъ, къ нашему полку подползъ раненый Французъ, у котораго ядромъ перебило ногу—она держалась на жилахъ. Онъ жалобно просилъ у насъ ножа; но мы, не зная его намѣренія, не исполнили просьбы. Несчастный, увидѣвъ какое-то желѣзо, съ радостію схватилъ его и началъ имъ отпиливать себѣ ногу. Тутъ стали раз-

водить насъ по квартирамъ и мы не видали болѣе этого оператора. На другой день выступили мы изъ Лейпцига и слѣдовали чрезъ Королевство Ганноверское къ Нижнему Рейну. Тутъ шли мы, какъ будто въ мирное время.— Вступивъ въ предѣлы Франціи 1814 года Февраля 24-го, отрядъ нашъ сталъ у Лаона, расположеннаго на высокой горѣ. Мы находились подъ главною командою Прусскаго Генерала Блюхера. Меня отрядили со взводомъ стрѣлковъ и мы начали перестрѣлку, не допуская Французовъ занять городъ; непріятель сдѣлалъ натискъ. Грянули выстрѣлы и завязалось дѣло; въ то время, когда мы заняты были работою, Прусаки, занимавшіе городъ, обрѣли гдѣ-то винный подвалъ, и хлѣбнувши черезъ край, задумали угостить и насъ. Русь! кричали они полурускимъ языкомъ, бросая къ намъ бочки

съ виномъ, пей на здоровье! покъ намъ долетали одни только брызги: бочки, катясь съ горы, разлетывались въ дребезги. Мы не мало потѣшались такимъ угощеніемъ; наконецъ, пустивъ тучи ядеръ, мы, съ криками ура! пошли на непріятеля и побѣда осталась за нами, и здѣсь, за славу Русскаго оружія, попировали и мы, и отсюда двинулись къ Парижу. На маршѣ расположились мы бивуакомъ, и меня послали догонять команду, ушедшую за дровами. Ночь была темная; долго я шелъ между виноградниками, и вдругъ упалъ въ какую-то яму. Сколько я ни барахтался, но никакъ не могъ оттуда вылѣзть и принялся что есть мочи кричать: но это было безполезно: вѣтеръ разносилъ по полю мой голосъ и я, потерявъ всякую надежду вылѣзть изъ ямы, рѣшился дожидаться утра; на счастье мое, услышалъ я голоса, и закричалъ

пуще прежняго. На голосъ мой подошли мои спасители: солдаты нашего полка,—они спустили ко мнѣ шинель, я ухватился за нее и такимъ образомъ они меня вытащили. Бродя по винограднику, мы нашли какую-то ферму; обрадовавшись этой находкѣ, мы вошли на дворъ, но тамъ уже были солдаты изъ нашего отряда: они искали чѣмъ нибудь полакомиться. Хозяинъ фермы учтиво пригласилъ меня въ комнату, гдѣ я увидѣлъ молодую женщину, окруженную дѣтьми; она сидѣла передъ каминомъ. Приходъ мой перепугалъ ее и дѣтей; я старался ихъ успокоить, и взявши у солдата найденныя имъ гдѣ-то яблоки, попотчивалъ даму и малютокъ, и страхъ ихъ прошелъ: они бѣгали вокругъ меня и играли моимъ шарфомъ. Успокоивъ хозяевъ, я съ командою отправился въ лагерь, и за походнымъ чайникомъ разсказывалъ то-

варищамъ о моемъ приключеніи. Это возбудило общій смѣхъ, и наши домо-рощенные поэты не преминули на этотъ случай продекламировать мнѣ свои произведенія. Но въ военное время не до нихъ: всякій пришедши на мѣсто, старается отдохнуть; такъ и я, не слушая ироническихъ выходокъ, положилъ сѣдло въ голову, и завернувшись въ шинель, беззаботно предался сну, оставивъ весельчаковъ распѣвать тары-бары.

ГЛАВА III.

Вступленіе въ Парижъ.—Лагерь подъ Парижемъ. —Праздникъ св. Пасхи.—Прогулки по Парижу.— Походъ въ Россію.

18-го Марта достигли мы Парижа. Впереди насъ шли войска наши и союзныхъ армій; вдалекѣ раздавались выстрѣлы и изрѣдка доносилось до насъ радостное ура. На слѣдующій день во всѣхъ полкахъ ударили барабаны, грянула музыка и съ торжествующимъ ура вступили мы въ Парижъ. Кровли домовъ, окна и балконы покрыты были зрителями, и изъ иныхъ домовъ кидали на насъ цвѣтами и конфектами. Прошедши черезъ городъ, мы выступили въ поле и расположились лагеремъ. Снявши походную аммуницію, всѣ мы поздравили другъ друга съ окончаніемъ войны. Тотчасъ разбили палатки; въ

лагерь явилось множество обоего пола савоярдовъ и Парижанъ со всякою всячиною, и мы забывъ военные труды, запировали на чуждомъ полѣ, купленномъ цѣною крови нашихъ братій; выпили за благоденствіе живыхъ и за упокой падшихъ со славою на полѣ чести. Вскорѣ наступилъ великій праздникъ свѣтлаго Христова Воскресенія; мы одѣлись въ парадную форму и пошли въ Парижъ. Тамъ, подъ открытомъ небомъ, въ присутствіи благословеннаго миротворца Европы и союзныхъ Государей, совершилось молебствіе, и съ словомъ: Христосъ воскресе!—воскресъ миръ землѣ. Возвратившись въ лагерь, мы праздновали св. Пасху, какъ будто на родинѣ, каждый съ своимъ семействомъ. Да, это и правда! съ нами былъ нашъ Отецъ, въ Бозѣ почившій Государь Императоръ, а съ Царемъ Русскимъ вездѣ родина! Въ

тогдашнее время Парижъ кружилъ головы не только Московскимъ барынямъ, но даже и нащей военной молодежи: не только офицеры, но и солдаты отпрашивались погулять по шумной столицѣ Франціи, и изъ лагеря то и дѣло отправлялись въ Парижъ. Я и мой товарищъ, не отступая отъ прочихъ, наняли фіакръ, и развалившись полетѣли смотрѣть Парижъ и Парижанъ. Пріѣхали, позѣвали на высокіе домы, походили по обширнымъ площадямъ, по ускимъ грязнымъ улицамъ, подивовались на щеголей и щеголихъ, и соскучились. Куда же теперь? спросилъ меня зѣвая товарищъ. Я, въ родѣ акомпанимента, то же зѣвнулъ и отвѣчалъ — домой! Смотримъ, мимо насъ летятъ экипажи съ разряженными въ пухъ дамами; скачутъ кареты, въ которыхъ засѣдаютъ и наши офицеры. Э, братъ, замѣтилъ мой товарищъ: почему же и намъ не рыскнуть, а то

вѣдь пожалуй—были въ Римѣ, а Папу не видали! Мы опять наняли извощика, прикрикнули на него: катай за ними! и насъ привезъ онъ къ Пале-Ройялю. Взошли туда, и тамъ, по выраженію моего товарища, былъ настоящій кромѣшный адъ: музыка, танцы, картежная игра, шумъ, хохотъ; у насъ закружились головы; мы спросили по рюмкѣ водки. Намъ подали какой-то госпитальной микстуры и по пирожку, и за все за это мы отдали по имперіалу; раздосадованные, голодные возвратились мы въ лагерь, гдѣ хлѣбая солдатскую кашицу, дали другъ другу клятву: не ѣздить болѣе въ Парижъ.— Наконецъ, 12-го Апрѣля, объявленъ былъ походъ въ Россію. Громкое ура! привѣтствовало это извѣстіе, и съ веселыми пѣснями вышли мы изъ Парижа. Прошедъ Францію, вступили въ Германію. Добрые Нѣмцы, на каждой

дневкѣ, угощали насъ, какъ лучшихъ своихъ друзей. Словомъ сказать, весь походъ нашъ чрезъ Германію былъ, какъ говорится, пиръ горой.

ГЛАВА IV.

Война 1828 года съ Турками.—Блокада крѣпости Силистріи.—Отраженіе вылазокъ.

1828 года Сентября 10-го дня, въ самую несносную погоду, отъ которой повѣсили носъ ротные сказочники и отъявленные каламбуристы, переправились мы чрезъ рѣку Дунай, воспѣтый и военными и штатскими стихослагателями, и чрезъ Болгарію слѣдовали къ крѣпости Силистріи, куда и прибыли 22-го числа. Турки заперлись въ крѣпости; мы ее окружили и отъ скуки давай угощать другъ друга свинцовыми яблоками. Дня съ три обмѣнивались мы выстрѣлами; наконецъ Турки не вытерпѣли, отворили ворота и съ крикомъ алла! бросились на насъ; мы, какъ водится, угостили ихъ батальнымъ огнемъ, а потомъ принялись въ ручную и, какъ выразился нашъ фельдфебель, усовѣстили широ-

кокамзольниковъ: они опять побѣжали въ крѣпость. Долго ждали мы вылазки, не переставая посылать свинцовыя приглашенія къ затворникамъ пожаловать на пиръ въ широкое поле, а они посылали къ намъ свои отказы ядрами и пулями съ хвостиками. Перестрѣлка надоѣла до крайности, прикурился турецкій табакъ, пріѣлись апельсины, которыхъ у насъ въ лагерѣ чуть-чуть не отдавали даромъ. Отъ скуки, мы безпрестанно дѣлали лагерные пиры, да банкеты, или прогуливались вдоль цѣпи, поджидая вылазокъ, й вотъ, однажды, изъ крѣпости выскакалъ какой-то сорванецъ, и ну джигитовать по полю. Вѣроятно, онъ хотѣлъ удивить насъ своимъ удальствомъ. Долго любовались мы его наѣздничествомъ; но наконецъ соскучились й приказали поблагодарить. Часовой прицѣлился, кто-то изъ насъ

скомандовалъ —пли! и нашъ джигитъ опрокинулся съ лошади. Громкій хохотъ загремѣлъ тогда по всей цѣпи, и мы поблагодарили стрѣлка за доставленное удовольствіе. Въ ночи, кажется на 16-е Октября, въ крѣпости поднялся крикъ, ржаніе коней и мычаніе коровъ; мы не знали на что и подумать, что такое тамъ происходило; наразсвѣтѣ Турки опять отворили ворота и опять сдѣлали на насъ нападеніе. Мы вступили въ дѣло; съ обѣихъ сторонъ засвисталъ свинецъ, сошлись рука съ рукой и ударились въ штыки. Обѣ стороны дрались съ ожесточеніемъ, и Русская сталь, обагренная мусульманскою кровію, увѣнчалась лаврами побѣды. Турки, видя невозможность противоборствовать, дрогнули и побѣжали назадъ. Мы послали имъ въ догонку тучи пуль и ядеръ и тѣмъ кончилась битва. Потомъ 29-го числа Турки, вѣроятно

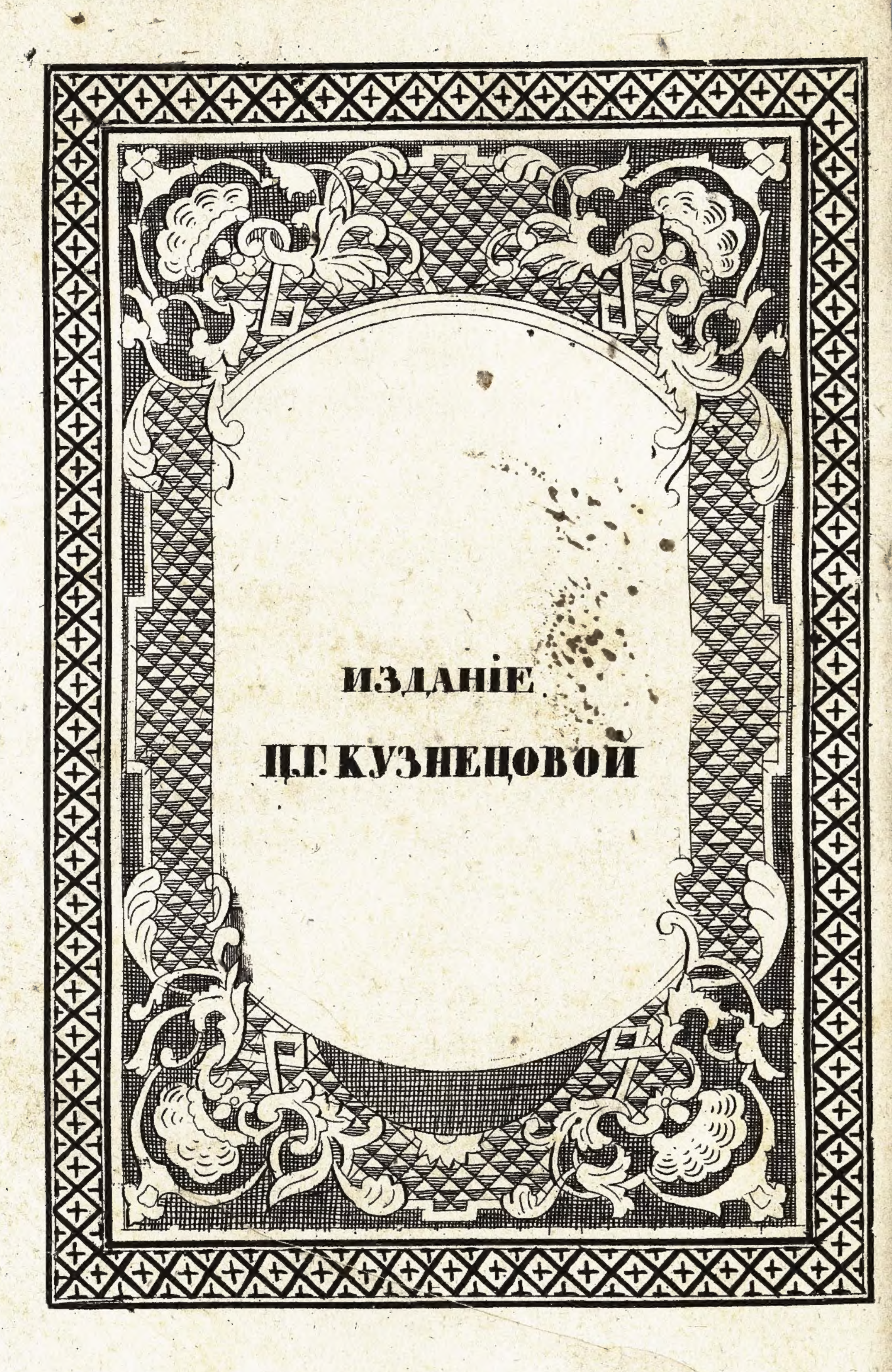
опившись опіуму, сдѣлавъ вылазку, опять напали на насъ; но встрѣченные нашимъ отпоромъ, устлали своими трупами поле битвы, и мы вскорѣ послѣ того отправились въ Валахію, на зимнія квартиры. Жизнь въ молдаванскихъ деревушкахъ чрезвычайно скучна, да и жизнь въ Букарестѣ не отличалась особенною занимательностію. Отпраздновавъ Новый 1829-й годъ, мы опять выступили въ походъ и съ 24-го Апрѣля находились въ наблюдательномъ отрядѣ при крѣпости Журжѣ; потомъ, перейдя къ селенію Магуру, между большою и малою Валахіями, находились въ дѣлѣ при прогнаніи Турокъ, переправившихся изъ г. Никополя на лѣвый берегъ Дуная, а съ 3-го Сентября заняли позицію при молдаванскомъ мѣстечкѣ Даѣ. Однажды отправился я, по дѣламъ службы, къ своему обозу и мнѣ довелось

ночевать въ молдаванской хатѣ. Отужинавъ молдаванской малыги, я преспокойно легъ спать, и только-что успѣлъ заснуть, какъ страшный громъ разбудилъ меня отъ сна: я всталъ съ постели и подошелъ къ окну; на дворѣ зги не видать и воетъ страшная буря, и вся хата вдругъ заколебалась. Раздался трескъ за перегородкой—хозяйка начала вслухъ читать молитвы и я догадался, что это было землетрясеніе. Болѣе двухъ часовъ продолжалось оно; но наконецъ затихло, небо стало прочищаться и буря замолкла. Поутру сказали мнѣ, что подобныя явленія здѣсь не рѣдкость. Оставивъ это мѣстечко и кончивъ порученіе, я опять возвратился въ полкъ. — Отсюда мы выступили къ мѣстечку Дорогаю, лежащему въ Княжествѣ Молдавіи, гдѣ простоявъ до Марта мѣсяца, возвратились въ Россійскіе предѣлы и

прибыли въ г. Венденъ, Рижской губерніи. Отдохнувши отъ похода и только-что усѣвши познакомиться съ радушными Нѣмцами, жителями города мы получили приказъ выступить для занятія карауловъ въ кр. Динабургъ.

КОНЕЦЪ.

ИЗДАНІЕ
Ц. Г. КУЗНЕЦОВОЙ